

Ф. Д. Подберёзкин

**Сеньор, духовник или отец духовный?
Еще раз о терминах *pater* и *pater spiritualis*
в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского**

УДК 272-725:94(474.5+438): 811.124
DOI 10.47132/2618-9674_2025_2_48
EDN HZIKXI

Аннотация: Рассматривается использование обращений «отец» (*pater*) и «отец духовный» (*pater spiritualis*) полоцким князем Владимиром и князем Всеволодом из Герцике по отношению к рижскому епископу Альберту. Эти формы обращения уже становились предметом комментария Л. Арбузова: данная статья предлагает новый взгляд, впервые рассматривая их в контексте русского летописания. По мнению автора, обращения *pater* и *pater spiritualis* не относятся к лексике вассально-ленных отношений либо византийской «духовной» семьи. Речь идет о попытке перенести практики взаимодействия русских князей со своими «духовными отцами» и епископатом на отношения с латинским епископом.

Ключевые слова: духовный отец, Хроника Ливонии, Альберт, Владимир, Всеволод, Рига, Полоцк, Герцике, латинство, Русь.

Об авторе: Филипп Дмитриевич Подберёзкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси.

E-mail: hetmanpolny@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7471-8793>

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке проекта БРФФИ «Пограничье Руси и Литвы в исторических трансформациях XI–XVI вв.», договор № Г24–011.

Для цитирования: Подберёзкин Ф. Д. Сеньор, духовник или отец духовный? Еще раз о терминах *pater* и *pater spiritualis* в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 2 (30). С. 48–62.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 03.05.2025.

Philipp Podberezkin

**Seigneur, Confessor, or Spiritual Father?
Revisiting the Terms *Pater* and *Pater Spiritualis*
in Henry's Chronicle of Livonia**

UDK 272-725:94(474.5+438): 811.124
DOI 10.47132/2618-9674_2025_2_48
EDN HZIKXI

Abstract: This article examines how Prince Vladimir of Polotsk and Prince Vsevolod of Gerzike use the terms father (*pater*) and spiritual father (*pater spiritualis*) when addressing Bishop Albert of Riga. These forms of address have previously been commented on by L. Arbuzov. This article offers a new perspective, examining them for the first time within the context of Russian chronicles. The author argues that the terms *pater* and *pater spiritualis* do not belong to the lexicon of vassal-feudal relations or to the Byzantine “spiritual” family. Instead, they represent an attempt to transfer the practices of interaction between Russian princes and their “spiritual fathers” and the episcopate to their relationship with a Latin bishop.

Keywords: Spiritual Father, Chronicle of Livonia, Albert, Vladimir, Vsevolod, Riga, Polotsk, Gerzike, Latinity, Rus.

About the author: **Philipp Podberezkin**

PhD in History, senior researcher of the Yakub Kolas Central Scientific Library at the National Academy of Sciences of Belarus.

E-mail: hetmanpolny@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7471-8793>

Funding: This article was prepared with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research project “The Borderlands of Rus’ and Lithuania in Historical Transformations of the 11th-16th Centuries”, Agreement № G24–011.

For citation: Podberezkin Ph. Seigneur, Confessor, or Spiritual Father? Revisiting the Terms *Pater* and *Pater Spiritualis* in Henry's Chronicle of Livonia. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 2 (30), p. 48–62.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 03.05.2025.

Введение

Как русскому князю надлежало обращаться к латинскому епископу? Где пролегла грань между выражениями почести и покорности? Какие традиции определяли выбор «нужных» слов? Важнейшим источником для ответа на эти вопросы являются свидетельства «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, в которых представлены «встречи»¹ двух традиций статусного приветствия — русской и латинской.

Предметом данного исследования являются формы обращения «отец» (*pater*) и «отец духовный» (*pater spiritualis*), посредством которых полоцкий князь Владимир (*Woldemarus*) и князь Всеволод (*Vissewalde / Wissewaldus*) из Герцике обращались к рижскому епископу Альберту. Эти именованья ранее становились предметом комментария Л. Арбузова². Наша цель — рассмотреть их с точки зрения русского летописания.

Встречи с епископом

После того, как еп. Альберт сжег Герцике (1209), местный князь Всеволод пришел в Ригу и «просил прощения за свои проступки, **называл епископа отцом** (здесь и далее выделения мои. — Ф. П.), а всех латинян коленопреклоненно умолял, как братьев-христиан, дабы они забыли о прошлом зле и даровали ему мир <...> принимая форму мира, он пообещал впредь быть верным церкви Святой Марии, подтвердив, что будет избегать общества язычников и поддерживать христиан. Уступая свое королевство этой церкви, он получил оное с торжественным вручением трех знамен из рук епископа и, **избирая его в отцы**, подтвердил, что отныне будет открывать ему все злые замыслы русских и литовцев»³.

Во время переговоров с епископом по вопросу о ливской дани (1212), полоцкий князь Владимир, «изумленный смелостью тевтонов, приказал своему войску отойти, и, подойдя к епископу, **приветствовал и почтил его как своего отца духовного**; точно так же **и он был принят им как сын**»⁴.

Византийский «след»?

По мнению Л. Арбузова, «метафоры» *pater / pater spiritualis / filius* в сюжетах 1209 и 1212 гг. пришли из «чужого, византийско-русского государственного мира».

¹ По выражению М. Хельманна: Hellmann M. Begegnungen zwischen Ost und West auf baltischem Boden im 13. Jahrhundert. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 1978, Bd. 25. S. 121–135.

² Arbusow L. Das entlehnte Sprachgut in Heinrichs "Chronicon Livoniae": Ein Beitrag zur Sprache mittelalterlicher Chronistik. *Deutsches Archiv für die Erforschung des Mittelalters*, 1951, Bd. 8. S. 146–147.

³ Здесь и далее перевод мой: «At ille veniam veniens pro excessibus postulat, episcopum patrem appellat, omnes Latinos quasi fratres conchristianos suppliciter exorat, ut preteritorum malorum obliviscantur, ut pacem sibi tribuant <...> Hanc formam pacis rex accipiens promittit se deinceps ecclesie beate Marie semper esse fidelem et paganorum consilia vitare et christianis adherere confirmat et regnum suum eidem ecclesie conferens a manu episcopi trium vexillorum sollempni porrectione recipit et eum in patrem eligens omnia Ruthenorum ac Lethonum consilia mala ei deinceps revelare affirmat» (*Heinrichs Livländische Chronik*. Bearb. von L. Arbusow und A. Bauer. Hannover, 1955 (далее — HCL). S. 70–71).

⁴ «Quorum audaciam veritus rex exercitum suum redire iussit et transiens ad episcopum et tamquam patrem spiritualem salutans veneratus est; similiter et ipse tamquam filius ab eo receptus est» (HCL. S. 104).

С их помощью «искусственно создавались духовные отношения отцовства-сыновства, имевшие государственно-правовое и политическое значение»⁵. Византист Ф. Дёльгер⁶, на работах которого основывались выводы Л. Арбузова, убедительно показал, что фамильярные обращения *pater / frater / filius / amicus* в «средневековой королевской семье» не были лишь метафорами мистического родства или случайным результатом «канцелярской путаницы»: они отражали функционирование политических институтов, указывая на разные степени подчинения некоторых христианских (иногда — нехристианских) государей императору⁷. Называя последнего *πνευματικός πατήρ*, государи признавали официальное лидерство василевса.

Есть ли византийский «след» в сюжетах 1209 и 1212 гг.? Что признали Всеволод и Владимир, называя рижского епископа «отцом» или «отцом духовным»?

«Отец» (1209)

Выводы Л. Арбузова об «отцовстве»/вассалитете Всеволода по «византийско-русскому» обычаю не пересматривались в последующей историографии⁸. Между тем, «иерархическое» прочтение «отцовства» в источниках домонгольской Руси является спорным. Заключение С. М. Соловьева⁹, Я. А. Голяшкина¹⁰ и А. Е. Преснякова¹¹ об «отцовстве» как политическом лидерстве внутри династии Рюриковичей основывались на поздних материалах XIV–XVI вв. и были пересмотрены в недавних работах М. Л. Лавренченко, проанализировавшей древнейшие летописные сообщения XI–XIII вв. Исследовательница пришла к заключению, что «иерархическое толкование родовой лексики в княжеских диалогах плохо сочетается с жесткой вассально-ленной или любой другой иерархической структурой, широта и вариативность форм использования терминов родства: в определенных случаях слово “сын” заменяется на “брат” в процессе переговоров, в ответ на обращение “брат” адресат использует термин “отец”, использование нескольких терминов подряд: двух и более, именование князя “сыном” сразу двух правителей, не являющихся его родителями — все эти характеристики делают родовую лексику княжеских диалогов малопригодной для маркирования иерархического статуса»¹².

⁵ Arbusow L. Das entlehnte Sprachgut... S. 146. Исследователь отмечает и «западную, латинскую метафорику родства» в ливонских источниках. Однако в рассматриваемых сюжетах 1209 и 1212 гг. Л. Арбузов усматривает византийское влияние.

⁶ Dölger F. Der Bulgarenherrscher als geistlicher Sohn des byzantinischen Kaisers. *Sbornik zum Gedächtnis an P. Nikov*. Sofia, 1939. S. 219–232; Dölger F. Die “Familie der Könige” im Mittelalter. *Historisches Jahrbuch*, 1940, Bd. 60. S. 397–420.

⁷ Dölger F. Die “Familie der Könige”... S. 398, 402–403, 408–409.

⁸ Hellmann M. *Begegnungen zwischen Ost und West*... S. 126; Selart A. *Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century*. Leiden, Boston, 2015, p. 97.

⁹ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 2003.

¹⁰ Голяшкин Я. А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. Издания Исторического общества при Императорском Московском университете. 1898. Т. 2. С. 211–285.

¹¹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории Киевской Руси. М., 1993.

¹² Лавренченко М. Л. Термины родства и договорные формулы в политике Рюриковичей XII–XV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 год: Дипломатические практики античности и средневековья. М., 2020. С. 238. См. также: *Его же*. «Отцовство» в древнейших русских летописях // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. 2016. Вып. 9. С. 52–68.

Термин «отец» в «Хронике Ливонии» ни разу не употребляется в значении политического подчинения¹³. Мы читаем, как в 1204 г. неофиты-ливы, «словно дети», хоронили монаха Зифрида (*Sifridus*), своего «любимого отца» (*tamquam filii dilecto patri*)¹⁴. Еп. Альберт пожелал (1205), дабы ливы принимали его «как дети отца» (*tamquam filii patrem benigne recipiant*)¹⁵. Соглашаясь передать братьям Ордена меченосцев третью часть Ливонии (1207), епископ повел себя «по-отечески» (*more patris*). Когда стороны перешли к дележу страны, рыцари предоставили епископу, как отцу (*tamquam patri*), выбирать в первую очередь¹⁶. Дружинники Вячко, русского князя Кукенойса, убили безоружных рыцарей, работавших в каменоломне, ибо последние «не опасались короля как своего господина и отца» (*quasi dominum vel patrem suum*)¹⁷. Во время переговоров, завершавших военный конфликт (1212), послы ливов обращались к епископу как к «отцу»¹⁸. Таким образом, «отцовство» у Генриха — понятие для выражения почтительного отношения, оно могло применяться как к епископу, так и к «светскому» правителю. На Руси и в Ливонии «отцовство» не подразумевало отношений подчинения (как в византийской «семье»), либо вассально-ленных отношений¹⁹. Следовательно, свидетели со стороны Альберта, присутствовавшие во время ритуальной части договора 1209 г., приняли слова Всеволода за метафору, риторический оборот для выражения почтения и послушания. Как представлял сказанное сам князь?

В новейшем русском переводе рассматриваемого сюжета «Хроники Ливонии», сделанном В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой, оригинальная формулировка *et eum in patrem eligens* переведена как «признал епископа отцом»²⁰. Однако глагол *eligere* означает свободное «выбирание», «избирание» (соответствуя, например, английскому латинизму *to elect*)²¹. Русские источники свидетельствуют о возможности свободного выбора только одного отца — «покаяльного» или «духовного» — причем как князем, так и другими верующими²². Например, в «Поучении» зарубежного черноризца Георгия (XIII в.) старец восхищается тем, что «духовный сын» знатного происхождения выбрал его «водителем юности своей»²³. По воле московского князя Дмитрия Ивановича, коломенский священник Митий был избран «отечеством» (70-е гг. XIV в.)²⁴. Духовник принимал покаяние и связывал «духовное чадо» клятвами, а частое посещение «отца» одобрялось в церковной среде²⁵. Жесты

¹³ Это отметил и Л. Арбузов: Arbusow L. Das entlehnte Sprachgut... S. 147.

¹⁴ HCL. S. 23.

¹⁵ Ibid. S. 29.

¹⁶ Ibid. S. 49.

¹⁷ Ibid. S. 57.

¹⁸ Ibid. S. 109.

¹⁹ Примечательно, что в сохранившемся тексте ленного договора 1209 г. термин *pater* отсутствует (*Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch*, Bd. 1. Hrsg. von F. G. von Bunge. Reval, 1853. S. 20–21).

²⁰ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2020. С. 139.

²¹ Варианту вынужденного «признания» более соответствует, как нам кажется, *agnoscere*. См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 51, 71, 76, 104, 221, 232, 747.

²² Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 9, 15, 18, 26–27, 30, 32, 50, 57, 60–61, 63, 86, 102, 140, 143, 146, 165, 193, 199, 216–217, 222, 238, 240, 246.

²³ Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. X–XL. Вып. 1. СПб., 1867. С. 54.

²⁴ ПСРЛ. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 29.

²⁵ Там же. С. 46, 62, 134, 215, 262.

и слова Всеволода, упомянутые в истории 1209 г., позволяют полагать, что речь идет о духовнике²⁶. Подробнее рассмотрим их ниже.

«Избрание» Альберта в «отцы» являлось волеизъявлением князя. Хронист засвидетельствовал два «отеческого» приветствия: до соглашения Всеволод только «называет» (*appellat*) Альберта «отцом», после договора он уже «избирает» (*eligens*) его в «отцы». Налицо кажущееся противоречие: зачем князю понадобилось «избирать в отцы» того, кого он и так называл «отцом»? Дело в том, что, приветствуя епископа, Всеволод использовал ту же «почтительную» формулировку, что и его латинские «братья-христиане». Далее последовало «избрание», которое устанавливало специфически русское «духовное отечество» — с покаянием и обетами. Для князя это и было тем «правовым последствием», о котором спрашивал М. Хельманн, касаясь проблемы взаимопонимания в сюжетах 1209 и 1212 гг.²⁷. Выбор «духовного отца» мог быть только формальностью. Но, в любом случае, речь шла о душепопечительстве, практиках «увещевания» и «совета», а не политического подавления.

В сообщении Генриха тема покаяния занимает едва ли не больше места, нежели сам договор. Покаяние и выбор «отца» позволяет объяснить смысл обещаний и жестов князя. «Избрав епископа своим отцом [*in patrem*], князь подтвердил [*affirmat*], что отныне [*deinceps*] будет открывать ему [*ei revelare*] все злые замыслы русских и литовцев». Открытие «злых замыслов» составляет таинство исповеди как формы покаяния. Следует принять во внимание наблюдения Ю. Н. Кежи, который впервые заметил, что действия Всеволода до и после заключения договора напоминают латинский ритуал покаяния (*deditio*)²⁸. Обряд предполагал соблюдение трех элементов: 1) явление провинившегося вассала (как правило, герцога или графа) пред лицо своего сюзерена (императора или короля); 2) публичное, коленопреклоненное покаяние, препоручение себя воле господина; 3) возвращение владений кающемуся, восстановление отношений²⁹.

Сопоставим сообщение Генриха с элементами *deditio*. Сначала Всеволод приходит к епископу и братьям-христианам (*adventum*). Перед прибытием князь попросил разрешения явиться в Ригу. Об этом говорит форма глагола *remandare* («отсылать в ответ», «сообщать в ответ», «отвечать»³⁰ — т.е., епископ не «предлагал»³¹,

²⁶ В XIII в. настоящая «схизма» только начиналась, поэтому выбор латинского духовника еще вряд ли был чем-то необычным (по крайней мере, для князя). См.: Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира. XIII век. СПб., 2004. С. 114.

²⁷ Hellmann M. Probleme des Feudalismus in Russland. *Studien zum mittelalterlichen Lebenswesen*, 1960, Bd. 5. S. 238.

²⁸ Кежа Ю. Н. Социальные связи между политическими акторами на территории Прибалтики в конце XII — начале XIII вв. (по данным «Хроники Ливонии») // *Saurus*. 2024. Т. 3, № 3. С. 14–33. Автор любезно предоставил мне рукопись статьи до ее публикации. О *deditio* в рамках конфликта Глеба Всеславича и Владимира Мономаха см.: Кежа Ю. Н. Конфликты между полоцкими и киевскими князьями и способы их разрешения (980–1129/30 гг.) // *Гісторія і археологія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі*. Полацк, 2022. С. 134–135.

²⁹ Кроме наблюдений Ю. Н. Кежи о *deditio* см. также: Reuter T. *Unruhstiftung, Fehde, Rebellion, Widerstand: Gewalt und Frieden in der Politik der Salierzeit. Die Salier und das Reich*, 1991, Bd. 3. S. 297–320; Koziol G. *Begging Pardon and Favor. Ritual and political order in early Medieval France*. New York, 1992, p. 1–19; Althoff G. *Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde*. Darmstadt, 2014. S. 99–125.

³⁰ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 867.

³¹ У В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой «et remandatum est regi, ut Rigam veniat» переведено как «королю было предложено прийти в Ригу» (Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... С. 138).

а «отвечал на просьбу», «разрешал»). Даже зная, что в плену у прелата находится княгиня³², князь не осмеливается прийти без предварительного запроса — этого требовал ритуал *deditio*³³. На втором этапе он исполнил «коленипреклонение» (*supplicium*) и «умолял» (*exoratio*) «забыть прошлое зло и даровать (*tribuere*) ему мир». Элемент «коленипреклонения» отсутствует в новейшем русском переводе³⁴, но передан в оригинале, где отражает внешнее проявление осознаваемой вины. Согласно *deditio*, кающийся приходил босыми ногами, одевшись в покаяльную одежду и стоя на коленях, препоручив себя господину и прося сделать с ним то, что тому заблагорассудится³⁵. Поэтому контекст обязывает переводить *tribuere* буквально — ведь речь шла не о «заключении мира», а о «даровании» оного (*exorat... ut pacem sibi tribuant*). На третьем этапе, после принятия условий епископа, князь получил свои владения обратно посредством торжественного вручения трёх знамен.

Таким образом, все три этапа покаяльного ритуала *deditio* присутствуют в церемонии 1209 г., описанной Генрихом. В историографии ее принято характеризовать как вступление в ленные отношения³⁶. Не оспаривая это мнение, заметим, что все ритуальные действия еп. Альберта и князя Всеволода, включая передачу владений «провинившегося» господину и получение оных обратно³⁷, в равной степени могут быть описаны и в рамках *deditio*. Не менее важно другое обстоятельство. По замечанию М. Хельманна, остается неясным, в какой мере русский князь понимал особенности латинского ленного права и связанных с ним церемоний³⁸. Действительно, Всеволод вряд ли разбирался в особенностях *vexillaria feuda* («знаменный лен»³⁹), однако ритуал *deditio* с элементами коленипреклоненной мольбы, обетами и «открытием замыслов» внешне мало отличался от знакомого ему обычая покаяния и исповеди перед духовным «отцом».

Наконец, сама грамматика сообщения Генриха указывает на назначение «избранного отца». Деепричастный оборот «избирая его в отцы» (*et eum in patrem eligens*) предшествует фразе «подтвердил, что отныне будет открывать ему все злые замыслы русских и литовцев» (*omnia Ruthenorum ac Lethonum consilia mala ei deinceps revelare affirmat*). Уточнение «отныне» (*deinceps*) дополнительно связывает «избрание» и «открытие замыслов». Таким образом, Всеволод торжественно объявил «избранного отца» своим духовником.

Возможна и другая трактовка нового «отчества» Всеволода. Хронист дважды упоминает, что тестем или «отцом жены» (*pater uxoris*) русского князя был литовский вождь Даугеруте (*Daugeruthe*)⁴⁰. Практика именованья тестя князя «отцом» упоминается в сообщениях русских летописей, сравнительно близких по времени к сюжету

³² HCL. S. 70.

³³ Althoff G. Spielregeln der Politik... S. 102.

³⁴ «Явившись, тот просил простить его проступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями во Христе, и умолял забыть былое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных. Он говорил, что огнем и мечом тевтоны весьма жестоко наказали его» (*Мамузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... С. 138*). Т. е., «*suppliciter exorat*» было переведено как «умолял». *Supplicium* в значении коленипреклоненной просьбы молящегося/казнимого см. в: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 986.

³⁵ Althoff G. Spielregeln der Politik... S. 100.

³⁶ Selart A. *Livonia, Rus'...* P. 96; *Мамузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... С. 241*.

³⁷ Althoff G. Spielregeln der Politik... S. 114.

³⁸ Hellmann M. *Das Lettenland im Mittelalter. Studien zur ostbaltischen Frühzeit und lettischen Stammesgeschichte, insbesondere Lettgallens*. Münster-Cologne, 1954. S. 131–133; Hellmann M. *Probleme des Feudalismus...* S. 238.

³⁹ Schulte J. F. *Lehrbuch der deutschen Reichs- und Rechtsgeschichte*. Stuttgart, 1892. S. 212, 273.

⁴⁰ HCL. S. 69, 113.

1209 г. Так, в 1195 г. волынский князь Роман Мстиславич, разрешая вопрос о волости со своим тестем, великим киевским князем Рюриком Ростиславичем, назвал последнего «отцом»⁴¹. В 1274 г. волынский князь Владимир Василькович, призывая к себе своего тестя, князя брянского и черниговского Романа Михайловича, также именовал его «отче»⁴². Нельзя исключать, что, отказываясь от сотрудничества с литовцами и присягая епископу, князь Всеволод отрекался от своего тестя как «отца» и «отныне» (*deinceps*) символически переносил это понятие на еп. Альберта. В пользу «новоявленного отечества» косвенно свидетельствуют последующие события, описанные Генрихом. Через пять лет (1214) рыцари Мейнард, Иоганн и Иордан из Куkenойса обвинили Всеволода в том, что тот «не приходил к отцу своему, епископу, вот уже много лет с того времени, как получил от него королевство, но непрестанно предоставлял помощь и совет литовцам»⁴³.

Такая трактовка, однако, кажется нам менее вероятной: во-первых, общий набор слов и жестов князя Всеволода свидетельствуют о строгом выполнении ритуала покаяния в делах, совершенных против епископа и «церкви св. Марии» (как в соответствии с *deditio*, так и по русскому обычаю); во-вторых, персона литовского тестя не упоминается в сообщении и тексте договора 1209 г. *expressis verbis* — князь прямо не отрекался от «старого отца».

«Отец духовный» (1212)

Термин *pater spiritualis* упомянут в «Хронике Ливонии» один раз — так полоцкий князь Владимир обратился к еп. Альберту перед заключением «вечного мира» (1212)⁴⁴. Хронист Генрих — как, видимо, и присутствовавшие при переговорах латиняне — расценил это приветствие как «почтительное» и «сыновнее» (*tamquam filius*). Князь выразил «смирение» — он первым «подошел» к епископу. Ранее еп. Альберт отказывался вести переговоры, если его приглашали сделать первый шаг. Например, когда посол полоцкого князя, диакон Стефан, пытался провести переговоры с прелатом в условленном месте (1206), последний ответил, что «никогда государь, каким бы смиренным или любезным он ни был, не выходит из своих укреплений навстречу посланцам»⁴⁵.

Жест Владимира принято интерпретировать как знак повиновения полоцкого князя, признание им духовного/политического господства епископа. А. Селарт (развивая выводы Л. Арбузова) пишет, что речь идет о «терминологии (*pater spiritualis*. — Ф. П.) византийского происхождения, т. е., западные феодальные связи как бы «переводились» на правовой язык, принятый на Руси»⁴⁶. В. И. Матузова и Е. Л. Назарова в комментарии к отрывку отмечают, что «данная фраза («почтил как отца духовного» / «принят как сын». — Ф. П.) является своеобразным отражением победы католичества над православием <...> Хронист считает необходимым подчеркнуть, что епископ встречал князя не как светский правитель другого светского правителя, а как лицо духовное. Надо полагать, что православный князь, приветствуя католического епископа, должен был поцеловать ему руку, как приветствовал бы своего духовного пастыря. А епископ в ответ благословил его, как обычно благословлял своих духовных

⁴¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 460.

⁴² Там же. С. 596.

⁴³ HCL. S. 116–117.

⁴⁴ Ibid. S. 104.

⁴⁵ Ibid. S. 35.

⁴⁶ Selart A. *Livonia, Rus'*... P. 99.

детей-католиков. То есть, здесь в хронике показано преимущество католического христианства над православным»⁴⁷.

С первой трактовкой (установление «феодалных связей» на «западный» манер) нельзя согласиться исходя из уже вышеизложенного: во-первых, «отцовская» терминология на Руси (по крайней мере, до XIV в.) не выражала отношения политической иерархии на манер ленной системы Латинского мира или Византии; во-вторых, «духовный отец» в русском летописании являлся избираемым лицом духовного сана, осуществлявшим духовное попечение. Иных «духовных отцов» русские источники не упоминают — поэтому говорить о единой «византийско-русской» традиции в случае *pater spiritualis* не приходится.

Попытаемся объяснить обращение князя Владимира по отношению к еп. Альберту (1212) в соответствии с теми летописными сообщениями XII–XIII вв., которые относятся к взаимоотношениям внутри треугольника «князь — духовник — епископ». Эти известия относятся преимущественно к Ипатьевскому и Лаврентьевскому летописным сводам.

В конце 1112 г. черниговский князь Давид Святославич и его княгиня радовались поставлению черниговского еп. Феоктиста, *бъ бо ѿй отецъ духовный*⁴⁸. После смерти белгородского еп. Максима (1190) великий князь киевский Рюрик Ростиславич *постави епископомъ отца своего духовнаго, игумена святаго Михаила Андрьяна Выдобичиского*⁴⁹. Великий князь владимирский Всеволод Юрьевич послал (1190) *къ Киеву Святославу ко Всеволодицю и къ митрополиту Никифору отца своего духовнаго Иоана на епископство*⁵⁰. Великий князь Юрий Всеволодович послал в Киев (1214) Симона, духовника своей матери княгини Марии, после Симон был поставлен *епископомъ Суждалю и Володимерю*⁵¹. Ростовский князь Константин Всеволодович в 1214 г. *посла Пахомья игумена святаго Петра, отца своего духовного, въ Киевъ къ митрополиту Матфью, и постави и епископомъ Ростову*⁵². Его сын Василько Константинович также послал своего духовного отца Кирилла в Киев *къ Володимиру Рюриковичю и пресвященному митрополиту* для утверждения на ростовской кафедре (1231)⁵³. В 1289 г. галицкий князь Мстислав Данилович отправил к брату Льву Даниловичу посольство, в котором принимал участие его «отец духовный»⁵⁴.

Вышеприведенные примеры отражают особенности карьеры княжеского «духовного отца» в рамках церковной иерархии на Руси в XII–XIII вв. Нередко духовное лицо, становившееся епископом, выбиралось трижды. Сначала князь или княгиня избирали полюбившегося им клирика в «духовные отцы». Далее, правитель выбирал духовника — очевидно, как наиболее близкого, заслужившего доверие клирика — в качестве кандидата на епископскую должность. Получив утверждение митрополита всея Руси и великого князя в Киеве, «духовный отец» становился епископом. Таким образом, находясь в сыновнем послушании духовнику, князь сохранял решающее влияние на судьбу «духовного отца» (иногда воля великого князя фактически приравнивалась к воле митрополита).

Иную картину можно наблюдать в статусе еп. Альберта, к которому, по сообщению Генриха, латиняне обращались как к «отцу». В результате поездки в Рим (1210/1211)

⁴⁷ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь... С. 199.

⁴⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 197.

⁴⁹ Там же. С. 448.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. С. 172.

⁵¹ Там же. С. 178, 185.

⁵² Там же. С. 185.

⁵³ Там же. С. 194.

⁵⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 612.

епископ поделил Ливонию с магистром Ордена меченосцев и получил от папы архи-епископские полномочия: «назначать и посвящать епископов в заморских землях, которые Бог пожелал бы подчинить христианской вере через Ливонскую церковь»⁵⁵. Это событие и стало предпосылкой спора в начале переговоров Владимира и Альберта в 1212 г. Князь заявил епископу, что в «его власти крестить слуг своих ливов или оставить их некрещенными»⁵⁶. По всей видимости, имелось в виду специальное «разрешение» на проповедь (*licencia*), которое задолго до конфликта князь выдал первому ливонскому епископу Мейнарду (1184)⁵⁷. Этот прецедент соответствовал вышеописанной русской практике вмешательства князя в организацию церковной иерархии: каждый владыка и, в особенности, «духовный отец» князя «взыскивал» поставление не только у митрополита, но и у «светского» правителя. Еп. Альберт поставил под сомнение юрисдикцию последнего, сославшись на авторитет Христа⁵⁸, а также верховного понтифика, чье поручение проповеди (*officium predicationis*) он не мог нарушить. Также прелат претендовал на непосредственные поборы с княжеских «слуг» (т.е. ливов), что противоречило древней русской практике «кормления» епископа из княжеских доходов, взимаемых в счет церковной десятины⁵⁹. Эти ответы и «разгневали» князя, после чего он повелел дружине братья за оружие. Однако до битвы дело не дошло⁶⁰, и князь назвал еп. Альберта «духовным отцом».

Было ли это обращение признанием победы «католического христианства» над «православным»? На переговорах речь шла о противоречиях княжеской и церковной юрисдикции, а также «дани» и «деньгах», поступающих от неофитов, поэтому говорить о противостоянии церквей *hic et nunc* было бы преувеличением⁶¹. Риторика Генриха Латвийского адресовалась не «православию» в целом, а «всегда бесплодной и бездетной русской матери» и её «князьям», которые предпочитают собирание «подати и добычи» миссионерской работе⁶².

Что же, в таком случае, признавал князь, именуя рижского епископа «отцом духовным»? Полагаем, используя русскую терминологию, Владимир передавал те представления об иерархии, которые бытовали на Руси в XII–XIII вв. Согласно этим представлениям, духовник не мог быть поставлен на епископство без воли местного князя и митрополита: княжеский «духовный отец» был зависимым лицом, «предшествующей ступенью» на пути к архиепископской должности. Обосновывая архиепископскую власть «назначать и посвящать», Альберт ссылался на мандат верховного понтифика и Иисуса Христа. Полоцкий князь, который не смог защитить свои права с помощью оружия, но не соглашавшийся с «новой» юрисдикцией, напомнил епископу, что тот всего лишь «отец духовный» — лицо, которому ещё предстояло стать архиепископом,

⁵⁵ HCL. S. 87, 92.

⁵⁶ Ibid. S. 103.

⁵⁷ Ibid. S. 2.

⁵⁸ Прелат привел цитату из Мф 28:19: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа». Эти слова Христа были обращены его апостолам, наследником которых, очевидно, считал себя еп. Альберт.

⁵⁹ Повесть временных лет. Подг. текста Д. С. Лихачева. СПб., 1996. С. 55. См. также: Костромин К. А., *свящ.* Происхождение и функции древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 1. СПб.; Казань, 2014. С. 35–62.

⁶⁰ Пролитие крови было предотвращено благодаря посредничеству священника Иоанна и, вероятно, из-за неуверенности князя в успехе боя, см.: HCL. S. 103–104.

⁶¹ Согласно исследованиям Б. Н. Флори и А. Селарта, в русско-ливонских конфликтах первой трети XIII в. отсутствовала конфессиональная составляющая: *Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола...* С. 114; Selart A. *Livonia, Rus'...*

⁶² HCL. S. 103, 202.

если этого захочет князь либо полоцкий владыка⁶³. Однако епископ и его хронист услышали в этом обращении слова послушного «сына».

Заключение

Среди людей, окружавших еп. Альберта, присутствовало немало тех, кто хорошо говорил по-русски⁶⁴. По-видимому, они и помогли хронисту Генриху с буквальным переводом выражений *избрати въ отечество* и *избрати отца духовнаго*. Однако буквальный перевод, как правило, не передает особенности культурных представлений беседующих. Данная статья является попыткой обратить внимание на важность учета особенностей русской «родственной» терминологии для интерпретации соглашений 1209 и 1212 гг. Понятия *pater* и *pater spiritualis* в соответствующих сюжетах «Хроники Ливонии» следует рассматривать в связи с употреблением понятий «отец» и «отец духовный» в летописных сообщениях.

О едином, «византийско-русском» понимании «отечества» говорить не приходится — источники XII–XIII вв. не подтверждают бытование на Руси тех же практик, что и в «духовной семье» василевса. Русское «отечество» не было «государственно-правовым» и тем более «вассально-ленным» понятием. После свободного избрания «духовного отца» — по воле самого князя — «сын» обязывался находиться в духовном послушании, т. е. регулярно каяться и испрашивать у «отца» помощи и совета. Такое «сыновство» выходило за пределы личного пастырства. «Покаяние» и покаяльные «обеты» в условиях Средневековья были универсальными понятиями, а душепопечение охватывало как «политическую» (говоря современным языком), так и «духовную» сферы.

Действия Всеволода, князя Герцике, можно рассматривать как поведение кающегося «сына», «избравшего» себе «отца»: в покаяльных практиках латинских элит это соответствовало ритуалу *deditio*. Не исключаем — соглашение 1209 г. могло быть воспринято епископом как вассальная присяга. Однако русский князь, который большую часть жизни провел в окружении язычников и православных, вряд ли оперировал категориями латинского ленного права. Его слова и жесты свидетельствуют о выборе знакомого формата отношений: «духовного отечества», своеобразного «менторства», где обеты и признания давались из почтения и «страха Божия», а не санкционирующего правового обычая.

В отличие от Всеволода, полоцкий князь Владимир пытался разговаривать с еп. Альбертом почтительно, но с позиции «сильнейшего». Среди представителей Русской Церкви «духовный отец» был наиболее близким князю клириком, его доверенным лицом. Эта близость, однако, была «не в дружбу, а в службу» — «отец» участвовал в дипломатических переговорах от имени князя, а также проводил интересы последнего, будучи удостоенным епископской кафедры. Влияние князя на избрание клирика *въ отечество*, а затем в епископы делало «духовного отца» в определенной степени зависимым от «духовного сына». Такое видение «отечества» было незнакомо Альберту и его хронисту, увидевшими в приветствии Владимира жест послушания. Для полоцкого князя, который считал себя вправе поставлять пастырей, разрешать

⁶³ Примечательно, что в истории 1212 г. не отражена позиция православного епископа Полоцка. Неясно, кто был полоцким владыкой в это время. Возможно, кафедра была вакантной, см.: Сапунов А. П. Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в. Витебск, 1889. С. 143.

⁶⁴ *Rutheni* — в качестве свидетелей договора 1209 г. (*Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch*, Bd. 1. S. 21), также — князь Владимир Мстиславич (Торопецкий) со своей дружиной (*HCL*. S. 102).

миссию и собирать церковную десятину, рижский прелат, апеллировавший к авторитету верховного понтифика и Иисуса Христа, пытавшийся самостоятельно распределить церковные доходы, оказался всего лишь «духовным отцом», самочинно сделавшимся архиепископом.

Иными словами, стороны так и не поняли друг друга.

Источники и литература

Источники

1. Летопись по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1871.
2. Повесть временных лет. Подг. текста Д. С. Лихачева. СПб.: Наука, 1996.
3. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846.
4. ПСРЛ. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
5. *Heinrichs Livländische Chronik*. Bearb. von L. Arbusow und A. Bauer. Hannover, Hahnsche Buchhandlung, 1955.
6. *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch*, Bd. 1. Hrsg. von F. G. von Bunge. Reval, Kluge und Ströhm, 1853.

Литература

7. *Голяшкин Я. А.* Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. Издания Исторического общества при Императорском Московском университете. 1898. Т. 2. С. 211–285.
8. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
9. *Кежа Ю. Н.* Конфликты между полоцкими и киевскими князьями и способы их разрешения (980–1129/30 гг.) // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Полацк, 1–2 лістапада 2022 г.)*. Полацк: Полацкае кніжнае выдавецтва, 2022. С. 125–140.
10. *Кежа Ю. Н.* Социальные связи между политическими акторами на территории Прибалтики в конце XII – начале XIII вв. (по данным «Хроники Ливонии») // *Saurus*. 2024. Т. 3, № 3. С. 14–33.
11. *Костромин К. А., прот.* Происхождение и функции древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги // *Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях*. Альманах, вып. 1. СПб., Казань, 2014. С. 35–62.
12. *Лавренченко М. Л.* «Отцовство» в древнейших русских летописях // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. 2016. Вып. 9. С. 52–68.
13. *Лавренченко М. Л.* Термины родства и договорные формулы в политике Рюрикovichей XII–XV вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 год: Дипломатические практики античности и средневековья*. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2020. С. 232–255.
14. *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. 2-е изд., исп. и доп. М.: Музей Ледовое побоище, Самолва, 2020.
15. *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории Киевской Руси. М.: Наука, 1993.
16. *Сапунов А. П.* Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в. Витебск, 1889.

17. Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 1913.
18. Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М.: АСТ, 2003.
19. Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. X–XL. Вып. 1. СПб., 1867.
20. Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира. XIII век. СПб.: Алетейя, 2004.
21. Althoff G. *Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2014.
22. Arbusow L. Das entlehnte Sprachgut in Heinrichs “Chronicon Livoniae”: Ein Beitrag zur Sprache mittelalterlicher Chronistik. *Deutsches Archiv für die Erforschung des Mittelalters*, 1951, Bd. 8. S. 100–153.
23. Dölger F. Der Bulgarenherrscher als geistlicher Sohn des byzantinischen Kaisers. *Sbornik zum Gedächtnis an P. Nikov*. Sofia, 1939. S. 219–232.
24. Dölger F. Die “Familie der Könige” im Mittelalter. *Historisches Jahrbuch*, 1940, Bd. 60. S. 397–420.
25. Hellmann M. Begegnungen zwischen Ost und West auf baltischem Boden im 13. Jahrhundert. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 1978, Bd. 25. S. 121–135.
26. Hellmann M. *Das Lettenland im Mittelalter. Studien zur ostbaltischen Frühzeit und lettischen Stammesgeschichte, insbesondere Lettgallens*. Münster-Cologne: Böhlau, 1954.
27. Hellmann M. Probleme des Feudalismus in Russland. *Studien zum mittelalterlichen Lebenswesen*, 1960, Bd. 5. S. 235–258.
28. Koziol G. *Begging Pardon and Favor. Ritual and political order in early Medieval France*. New York, 1992.
29. Reuter T. Unruhestiftung, Fehde, Rebellion, Widerstand: Gewalt und Frieden in der Politik der Salierzeit. *Die Salier und das Reich*, 1991, Bd. 3. S. 297–325.
30. Schulte J. F. *Lehrbuch der deutschen Reichs- und Rechtsgeschichte*. Stuttgart, Wilhelm Nitzschke, 1892.
31. Selart A. *Livonia, Rus’ and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century*. Leiden, Boston, Brill, 2015.

Sources and References

Sources

1. *Heinrichs Livländische Chronik [Henry’s Livonian Chronicle]*, ed. by L. Arbusow and A. Bauer. Hannover, Hahnsche Buchhandlung Publ., 1955. (In German)
2. *Letopis’ po Ipatскому spisku [The Chronicle according to the Ipatiev Manuscript]*, ed. by Arheografskaja komissija. St. Petersburg, 1871. (In Old-Russian and Russian)
3. *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch [Livonian, Estonian, and Curonian Documentary Collection]*, vol. 1, ed. by F. G. von Bunge. Reval, Kluge und Ströhm Publ., 1853. (In German and Latin)
4. *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 1: Lavrent’evskaja i Troickaja letopisi [The Lavrenty and Trinity Chronicles]. St. Petersburg, 1846. (In Old-Russian and Russian)
5. *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 8: Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky Manuscript]. St. Petersburg, 1859. (In Old-Russian and Russian)

6. *Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]*, ed. by D. S. Likhachev. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. (In Old Russian and Russian)

References

7. Althoff G. *Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde [Rules of the Game of Politics in the Middle Ages: Communication in Peace and Feud]*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft Publ., 2014. (In German)

8. Arbusow L. Das entlehnte Sprachgut in Heinrichs "Chronicon Livoniae": Ein Beitrag zur Sprache mittelalterlicher Chronistik [The Borrowed Linguistic Material in Henry's 'Chronicon Livoniae': A Contribution to the Language of Medieval Chronicle Writing]. *Deutsches Archiv für die Erforschung des Mittelalters [German Archives for Medieval Research]*, 1951, vol. 8, p. 100–153. (In German)

9. Dölger F. Der Bulgarenherrscher als geistlicher Sohn des byzantinischen Kaisers [The Bulgarian Ruler as the Spiritual Son of the Byzantine Emperor]. *Sbornik zum Gedächtnis an P. Nikov*. Sofia, 1939, p. 219–232. (In German)

10. Dölger F. Die "Familie der Könige" im Mittelalter [The "Family of Kings" in the Middle Ages]. *Historisches Jahrbuch*, 1940, vol. 60, p. 397–420. (In German)

11. Dvoreckij I. H. *Latinsko-russkij slovar' [Latin-Russian Dictionary]*, 2nd ed. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1976. (In Russian and Latin)

12. Florja B. N. *U istokov religioznogo raskola slavjanskogo mira. 13 vek [At the Origins of the Religious Schism in the Slavic World. The 13th Century]*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2004. (In Russian)

13. Goljashkin J. A. Oчерк lichnyh otnoshenij mezhdu knjaz'jami Kievskoj Rusi v polovine 12 v. (v svjazi s vozzrenijami rodovoj teorii) [An Outline of Personal Relations Between the Princes of Kievan Rus' in the Mid-12th Century (in Connection with the Views of the Clan Theory)]. *Referaty, chitannye v 1896 i 1897 godah. Izdaniya istoricheskogo obshhestva pri Imperatorskom moskovskom universitete*, 1898, vol. 2, p. 211–285. (In Russian)

14. Hellmann M. Begegnungen zwischen Ost und West auf baltischem Boden im 13. Jahrhundert [Encounters Between East and West on Baltic Soil in the 13th Century]. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte [Research on Eastern European history]*, 1978, vol. 25, p. 121–135. (In German)

15. Hellmann M. *Das Lettenland im Mittelalter. Studien zur ostbaltischen Frühzeit und lettischen Stammesgeschichte, insbesondere Lettgallens [Latvia in the Middle Ages. Studies on Early East Baltic History and Latvian Tribal History, Especially Letgallia]*. Münster-Cologne, Böhlau Publ., 1954. (In German)

16. Hellmann M. Probleme des Feudalismus in Russland [Problems of Feudalism in Russia]. *Studien zum mittelalterlichen Lehenswesen [Studies on medieval feudalism]*, 1960, vol. 5, p. 235–258. (In German)

17. Kezha Ju. N. Konflikty mezhdu polockimi i kievskimi knjaz'jami i sposoby ih razresheniya (980–1129/30 gg.) [Conflicts between Polotsk and Kyiv princes and methods of their resolution (980–1129/30)]. *Gistoryja i arheologija Polacka i Polackaj zjamli [History and archaeology of Polotsk and the Polotsk land]*. Materials of VIII conference. Polotsk, Polackae knizhnae vydavectva Publ., 2022, p. 125–140. (In Russian)

18. Kezha Ju. N. Socialnye svyazi mezhdu politicheskimi aktorami na territorii Pribaltiki v konce 12 – nachale 13 vv. (po dannym "Khroniki Livonii") [Social relations between political actors in the Baltic States in the late 12th and early 13th centuries (according to the Chronicles of Livonia)]. *Caurus*, 2024, vol. 3, no. 3, p. 14–33. (In Russian)

19. Kostromin K. A. Proishozhdenie i funkcii drevnerusskoj cerkovnoj desjatiny i zapadnoevropejskie analogi [The Origin and Functions of the Old Russian Church Tithe and its

- Western European Analogues]. *Drevnjaja Rus' vo vremeni, v lichnostjah, v idejah* [Paleorosia. Ancient Rus': in Time, in Personalities, in Ideas], almanac, vol. 1. St. Petersburg, Kazan, 2014, p. 35–62. (In Russian)
20. Koziol G. *Begging Pardon and Favor. Ritual and political order in early Medieval France*. New York, 1992. (In English)
21. Lavrenchenko M. L. “Otcovstvo” v drevnejshih russkikh letopisjah [“Fatherhood” in the Earliest Russian Chronicles]. *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovanija po istorii Vostochnoj Evropy*, 2016, vol. 9, p. 52–68. (In Russian)
22. Lavrenchenko M. L. Termini rodstva i dogovornye formuly v politike Rjurikovichej 12–15 vv. [Terms of Kinship and Treaty Formulas in the Politics of the Rurik Dynasty in the 12th–15th Centuries]. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy* [The oldest states of Eastern Europe]. 2019–2020 year: Diplomatic practices of antiquity and the Middle Ages. Moscow, Dmitry Pozharsky University Press, 2020, p. 232–255. (In Russian)
23. Matuzova V. I., Nazarova E. L. *Krestonoscy i Rus'. Konec 12 v. — 1270 g.* [Crusaders and Rus'. The End of the 12th Century — 1270]. *Texts, Translation, Commentary*. 2nd ed. Moscow, Ledovoe poboishhe Museum Publ., Samolva Publ., 2020. (In Russian, German and Latin)
24. Presnjakov A. E. *Knjazhoe pravo v Drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii Kievskoj Rusi* [Princely Law in Ancient Rus'. Lectures on the History of Kievan Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1993. (In Russian)
25. Reuter T. Unruhestiftung, Fehde, Rebellion, Widerstand: Gewalt und Frieden in der Politik der Salierzeit [Incitement, Feud, Rebellion, Resistance: Violence and Peace in the Politics of the Salian Era]. *Die Salier und das Reich* [The Salian dynasty and the Empire], 1991, vol. 3, p. 297–325. (In German)
26. Sapunov A. P. *Istoricheskie sud'by Polockoj eparhii s drevnejshih vremen do poloviny 19 v.* [The Historical Fate of the Polotsk Diocese from Ancient Times to the mid-19th Century]. Vitebsk, 1889. (In Russian)
27. Schulte J. F. *Lehrbuch der deutschen Reichs- und Rechtsgeschichte* [Textbook of German Imperial and Legal History]. Stuttgart, Wilhelm Nitzschke Publ., 1892. (In German)
28. Selart A. *Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2015. (In English)
29. Smirnov S. I. *Drevnerusskij duhovnik* [The Ancient Russian spiritual father]. Moscow, 1913. (In Russian)
30. Solov'ev S. M. *Istorija otnoshenij mezhdru russkimi knjaz' jami Rjurikova doma* [The History of Relations Between the Russian Princes of the Rurik Dynasty]. Moscow, AST Publ., 2003. (In Russian)
31. Sreznevskij I. I. *Svedenija i zametki o maloizvestnyh i neizvestnyh pamjatnikah* [Information and Notes on Little-Known and Unknown Manuscripts], X–XL, issue 1. St. Petersburg, 1867. (In Old-Russian and Russian)